

Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917-1920 гг.).
М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Одна из характерных черт Гражданской войны в России (1917-1922) – пересечение всеми без исключения противоборствующими сторонами «красной черты», за которой начался этап вооруженного массового насилия. В первую очередь – того самого страшного красного и белого террора.

*Слева забор, справа забор,
И ничего кроме тьмы.
Красный террор, белый террор –
Пир во время чумы.
Ротмистр – враг. К стенке, моряк,
Ставь его, гада, скорей...*

Хорошо, со всей присущей его таланту энергией, схватил сущность дикого действия красного и белого террора замечательный поэт, автор-исполнитель собственных песен Александр Розенбаум.

Безусловно, положительно, что сегодня красный и белый террор стал предметом исследования в исторической науке². В частности, выдержала второе издание уникальная монография профессора А. Литвина. В ней автор смог с позиций беспристрастности (насколько, конечно, возможно) показать всю паталогичность террора, в какие бы одежды он ни рядился³. Правда, нельзя не заметить, что некоторые публицисты, надо полагать, в угоду политической конъюнктуре, начинают полемизировать на тему: «Чей террор был лучше, красный или белый?». И, как правило, склоняются к мысли, что белый террор был «более гуманнее»! Прямо цинизм какой-то с элементами некрофилии... Сказанное не означает между тем, что следует продолжать политизированную традицию советской историографии, всемерно оправдывающей вакханалию красного террора⁴, когда отдельные авторы прямым текстом утверждали, что «красный террор принес неизмеримо меньше жертв, чем белый»⁵.

Думается, что доцент кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук Илья Сергеевич Ратьковский сотворил такой научный труд («Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды» (1917-1920 гг.)), который займет свою нишу в историографии проблемы красного и белого террора в годы Гражданской войны в России. Причем эта ниша,

... Когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их напоказ. Впечатление было ужасное, но – к тому времени они сами расстреляли уже без суда несколько человек, и я спрашивал у их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид.

Из письма В.Г. Короленко А.В. Луначарскому (1920)¹

с большой долей вероятности, будет размещаться на дискуссионном историографическом поле. И вообще: следует отдать должное научной смелости Ильи Сергеевича, который рискнул творить в той историографической сфере, где его неминуемо ожидает критика. Причем не всегда научная критика, со стремлением максимального приближения к объективности, но зато политизированная и идеализированная. Только с точностью до наоборот (по сравнению с советской историографией). Ведь все аспекты проблематики красного и белого террора в годы российской Гражданской войны рассматриваются сегодня не только в системе координат объективности, историзма, компаративизма, но и в системе координат, где господствуют политические страсти и продолжается Гражданская война. Только теперь в умах некоторых авторов.

И.С. Ратьковский четко обозначил мотивацию создания своего научного труда. Он посчитал, что, поэтизируя и идеализируя Белое движение, многие исследователи заметно уменьшают количество жертв на территории антибольшевистской России и подвергают сомнению наличие законодательных основ этого террора (С.7)⁶. Имеющиеся данные о массовых расстрелах они сводят к самосудной практике отдельных представителей военных властей и последствиям фронтового террора. Поэтому исследователь решил устранить подобный перекокс и, опираясь на обширную, разнообразную и репрезентативную источниковую базу, что выше отмечалось, доказать прямую ответственность руководителей Белого движения за них не только вы прифронтовой зоне, но и в глубокотылу. Мотивация убедительная. Правда, оформлена она в несколько категоричной форме.

Необходимо подчеркнуть, что рецензируемая книга базируется на обширной, разнообразной и репрезентативной источниковой базе. В нее вошли источники личного происхождения (мемуары, письма, дневники), материалы периодической печати исследуемого времени, а также и многочисленные публикации документальных источников самого разного плана: от судебных документов до дипломатических нот.

В работе автор опирался на историографические наработки предшественников: исследования советского периода, эмигрантская литература, а также российские исследования последних лет. Использовались и многочисленные краеведческие работы. Что характерно: И.С. Ратьковский предпринял попытку дать во введении краткий историографический обзор, что свидетельствует о высоком научном качестве рецензируемого научного труда. Точно так же, как четко оформленный и соответствующий научно-справочный аппарат.

Структура книги представляет хронологически последовательные акты белого террора и репрессивной антибольшевистской практики. Следовательно, исследование построено строго по хронологическому принципу. Причем все факты белого террора приводятся четко с обязательной ссылкой на источник заимствования. В конечном итоге сложилась стройная система.

Однако она имеет свои недостатки, которые, кстати, счел необходимым отметить сам автор рецензируемой работы. Он справедливо указывает, что любая систематизация имеет свои недостатки. Отчасти они связаны с хронологическим акцентом. Но данный подход, считает И.С. Ратьковский, позволяет видеть динамику процесса и общие черты репрессивной практики на всей территории, подконтрольной политическим режимам Белого движения (С.19-20). С данной методологической позицией исследователя можно, по мнению рецензентов, согласиться.

Нельзя не солидаризироваться и с авторской констатацией того, что его книга не исчерпывает все случаи белого террора, т.к. у многих выявленных исследователем случаев нет четкой датировки. Многие случаи репрессий просто не вошли в настоящее издание в силу его объема. Возможным представляется и хронологическое смещение ряда событий ввиду различия стилей времени (советского, белого, сибирского) в период Гражданской войны, а также учитывая мемуарный фактор ряда использованных источников.

Отдельно следует отметить такую методологическую посылку историка: «На наш взгляд, красный и белый террор – это две стороны одного явления – трагедии Гражданской войны. Много в белых репрессиях повторяло советскую практику террора, многое, хотя и не все превосходило. Тот и другой террор творился в центре и на окраинах. Помимо давно уже выявленных многочисленных приказов, указов и распоряжений высших органов белой власти, белый террор включает и «местные белые расстрелы», которые не противоречили общей практике репрессивной политики антибольшевистских правительств и правителей» (С.8). Подобной методологической посылкой иссле-

дователь как бы декларирует позицию равноудаленности от красных и белых, подчёркивая тем самым стремление к объективности. Такое исследовательское кредо ученого не может не вызывать чувство солидарности.

Между тем методологическая посылка, приведенная выше, осталась только на декларативном уровне, так как автор избрал объектом своего исследования исторический феномен белого террора. Красный же террор вынесен за скобки из объекта исследования. Следовательно, нет возможности для реализации методологической посылки, указанной выше, посредством, например, компаративного анализа.

Рецензенты сочли необходимым акцентировать внимание на следующем аспекте: непонятно, почему московское издательство «Алгоритм» определило характер этого научного труда как «массово-политическое издание». Конечно, издание станет небезынтересным широкому кругу читателей. Но это не означает, что его надо по такому признаку переводить в разряд научно-популярных публикаций. У замечательного отечественного ученого, в спорах вокруг творчества которого еще долгое время будут ломаться копья, искриться мечи – Л.Н. Гумилева (1912–1992) – есть уникальные рассуждения о подходах к научной деятельности и результатам ее. И если исходить из содержания гумилевских подходов⁷, то рецензируемую книгу можно отнести, разумеется, с большой долей условности, к первому подходу – «подходу кропотливому – составление необходимых пособий: библиографических справочников, подготовка к печати рукописей, проведение серий экспериментов, переводы и комментарии к текстам»⁸.

Действительно, И.С. Ратьковский выполнил труд, который можно классифицировать (опять же с определённой долей условности) как научно-справочное издание. Нет сомнения, что оно станет полезным большому количеству исследователей, специализирующихся на проблематике истории российской Гражданской войны.

Однако в данной работе имеются и отдельные недостатки.

1. Исследователь критикует взгляд А.В. Ганина, классифицируя его как «странную концепцию белого террора в Оренбуржье» (С.7). Дело в том, что А.В. Ганин в своей работе классифицировал белым террором в Оренбуржье только действия оренбургских казаков, подчинявшихся атаману А.И. Дутову. А террористические деяния частей чехословацкого корпуса критикуемый историк не включает в понятие «белый террор»⁹. Поэтому И.С. Ратьковский безапелляционно заявляет, что исторически подобный подход не выдерживает никакой критики. А где доказательства столь ярко выраженной несостоятельности научной позиции А.В. Ганина (с точ-

ки зрения, конечно, автора рецензируемого научного труда, но не его рецензентов)? Их нет.

2. Вызывает возражения попытка автора столь широко трактовать понятие «белый террор». Он утверждает, что «белый террор» – термин, достаточно обобщенный, включающий в себя явления, происходившие под различными «политическими вывесками» как собственно Белого движения, так и в целом антибольшевистского сопротивления, включая правосоциалистические режимы «демократической контрреволюции» лета – осени 1918 г. И на этом основании И.С. Ратьковский включает в понятие «белый террор» не только деяния политических режимов Белого движения, но и деяния так называемой «третьей силы» российской Гражданской войны (самарский КОМУЧ, например, левые эсеры). Историк пытается объяснить подобный исследовательский алгоритм следующим образом: самарский КОМУЧ, несмотря на преобладание «социалистического элемента» в руководстве, опирался в своей практической деятельности на добровольческие белые военные формирования, зачастую даже утверждаясь при прямом участии офицерского подполья. Таким образом, в основе антибольшевистского террора даже социалистических правительств часто лежал белый террор (С.10). Рецензентам представляется подобная аргументация не совсем убедительной. Если следовать подобной логике, то террористические деяния Н.И. Махно надо бы отнести к красному террору, так как его вооруженные формирования в одно время входили в состав Красной армии. Но тогда получается химера. Излишне упрощенным и очень спорным выглядит (в контексте вышеизложенного) и другое утверждение И.С. Ратьковского, что якобы разница между «правосоциалистическими» и «белыми» режимами тем более не принципиальна, т.к. белые режимы нельзя однозначно противопоставлять «народным эсеровским режимам» в вопросе выбора будущей формы правления (С.10). И где здесь весомое основание включения террористических эсеровских политических режимов в деяния белого террора?!

3. «Белофинны», «белочехи», «белополяки». От таких устаревших понятий веет методологией печально известного сталинского «Краткого курса Истории ВКП(б)» (кстати, и террор «белочехов» и пр. автор также однозначно относит к белому террору, весьма методологически уязвимая позиция). Так и хочется спросить Илью Сергеевича: «Где тогда «красночехи», «краснофинны» и пр.»? Следует также указать на явную логическую ошибку, когда автор отождествляет понятие белого террора с понятием «антибольшевистский террор» (С.10). Между тем это не равнообъемные, а всего лишь пересекающиеся концепты. В этом плане упоминавшийся выше

Н.И. Махно отметился не только участием в антибелогвардейском, но и в антибольшевистском терроре.

4. Во введении автору следовало бы порассуждать о сущности и содержании понятий «террор», «репрессии», «карательная политика». Но он этого не сделал. В итоге налицо некоторая эклектическая смесь. Как, например, трактовать расстрелы дезертиров, которые практиковали и в Красной армии, и в белой армии? Террор? Жестокая репрессия с целью пресечения разложения войск? Или...? В целом же осуждение практики террора без рассмотрения возможных в сложившихся тогда условиях альтернативных политических тактик представляет собой абстрактно-гуманистический жест стороннего наблюдателя. Если возможной альтернативой террору являлось жесткое подавление участников расстрельных акций в своих рядах – это одна ситуация, а если единственной альтернативой оставалась безоговорочная капитуляция и прекращение всякого сопротивления противнику, тогда интерпретация террора принимает форму лейбницевского «необходимого зла».

И все же мы отрецензировали оригинальный научный труд, который не пройдет не замеченным для историков. Он вызовет еще множество споров.

В свое время крупный историк русского зарубежья С.П. Мельгунов (1879-1956), один из первых исследователей исторического феномена красного террора, писал, что моральный ужас террора, его разлагающее влияние на человеческую психику «проявляется, в конце концов, не в отдельных убийствах, и даже не в количестве их, а именно в системе»¹⁰. Думается, что исследование И.С. Ратьковского позволяет нам составить определенные представления о системе белого террора в российской Гражданской войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917-1921. Биограф. хроника. Vermont, 1985. С.207.

² См., напр.: *Чернявский Г.И.* Письма В.Г. Короленко Г.И. Петровскому // Современное общество. 1994. №3; *Доставалов Е.И.* О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII-XX вв. Вып.6. М., 1995. С.684-685; *Красный террор в годы гражданской войны.* По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. М., 2004; *Красный террор глазами очевидцев* / Составл., предисл. С.В. Волкова. М., 2009; *Голуб П.А.* Белый террор в России. 1918-1920. М., 2009; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010; *Инполитов Г.М.* Россия. Год 1918 – год 1922. Красный и белый террор: патология, возведенная в норму // Представление

людей о «норме» и «патологии» в процессе исторического развития Материалы XXXI Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 мая 2012 г. / Под общей ред. С.Н. Полторака. СПб., 2012. С.67-75; *Гагкуев Р.Г., Цветков В.Ж.* Красный и белый террор // Революция и Гражданская война в России. 1917-1922 гг.: фотоальбом. М., 2016; и др.

³ *Литвин А.А.* Красный и белый террор в России 1918-1922 гг. Казань, 1995; второе изд. М., 2004.

⁴ См., напр.: *Голиков Д.П.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн.1. М., 1986. С.137, 188. *Велидов А.С.* Предисловие // Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1989. С.7.

⁵ *Соловьев О.Ф.* Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в России в годы гражданской войны // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С.420.

⁶ Здесь и далее так будут оформляться ссылки на рецензируемую книгу. – *Г.И., Т.Ф.*

⁷ Л.Н. Гумилев полагал, что здесь существует четыре подхода. 1. Подход кропотливый – составление необходимых пособий: библиографических справочников, подготовка к печати рукописей, проведение серий экспериментов, переводы и комментарии к текстам. Эти труды нужны и почтенны. Они фундамент науки. Их читают специалисты, которые их ценят и уважают как полуфабрикаты. Эти труды используют, но им в голову не приходит эти книги любить. Впрочем, те на любовь и не претендуют, ограничиваясь сознанием своей необходимости. 2. Подход мотыльковый – легкая, изящная популяризация малоизвестных или спорных сюжетов; споры в защиту парадоксальных теорий, без претензий на точную аргументацию; рецензии, более или менее остроумные, реклама и рекламация чужих работ. Желательна широта образования, но глубина в этом жанре противопоказана, потому что она труднодоступна для широкого читателя. Этот подход весьма полезен для науки, так как подготавливает читателя, особенно юного, и осуществляет связь абстрактной мысли с повседневной жизнью. Опасен только переход доброкачественной занимательности в воинствующий дилетантизм. Конечно, досадно, что живут эти, часто талантливые, произведения как мотыльки: прочтя, их забывают. 3. Третий подход назвать трудно, хотя он основной и два предыдущих существуют ради него. Сокровищница науки – это обобщение накопленных знаний в системе аспектов, позволяющих обозреть предмет исследования целиком, а затем довести его до читателя. Иначе говоря, это монография, трактаты «всеобщей истории», глобальные географические описания и т.п. Чтобы написать такой труд, надо освоить пред-

мет и прочувствовать тему, а чтобы сделать его доступным для читателя, надо вскрыть себе вену и каждую строку напитать своей кровью, разумеется, фигурально. Иначе автор рискует быть единственным читателем своей книги. И чем больше «крови» перелить в печатные строки, тем больше читатель любит книгу, а иногда даже благодарен ее автору. Этот акт «переливания крови» обычно не дает автору ничего, кроме морального удовлетворения. Однако это удовлетворение таково, что ради него стоит жить, даже поступаясь удобствами, служебными неприятностями, интригами завистников и недоброжелательством коллег. Духовное одиночество – это подобие ада; прорыв к читателю, т.е. к его вниманию и пониманию, – путь через чистилище. Удовлетворение сделанным – награда за труд, большая, чем зарплата и гонорары. Но это еще не вершина. 4. «Огненная» наука – творческая вспышка, в которой ассоциации, вроде бы случайные, сливаются в нечто целое, единое, новое, т.е. неизвестное автору доселе. Научная мысль, необходимый труд, самопроверка и проверка первичных данных не предшествуют огненной вспышке озарения, а следуют за ней, обрекая автора на служение научной идее, возникшей помимо его желания, а иногда и вопреки его намерениям. Что это за «вспышка», откуда она берется, почему ее нельзя забыть, ни отбросить – не знаю. Знаю только, что это бывает и что люди, с которыми это случилось, пренебрегают выгодами и тягой к радостям земной любви, покоем и страхом. Так воскликнул Мартин Лютер: «Я здесь стою, и не могу иначе!», Галилей пробормотал: «А все-таки она вертится», Мансур ал-Халадж заорал: «Я – истина!», и, наконец, В.И. Вернадский написал в своей тетради слова: «...химическая энергия живого вещества биосферы» (*Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С.39). Эти моменты, случающиеся крайне редко, можно понять как импульсы влечения (аттрактивности), вырастающие внезапно и подчиняющие себе рассудок и волю человека на весь остальной период его земного существования. Именно они отличают «ученого» от «научного сотрудника», которому я больше ничего не сумею объяснить (*Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1997. С.419-420).

⁸ *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1997. С.419.

⁹ *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов: продолжение исследований. Новые материалы об атамане А.И. Дутове // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. М., 2015. С.212.

¹⁰ *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. Изд. 2-е, Берлин, 1922. С.6.

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Поволжского филиала
Института российской истории
Российской академии наук
Г.М. Инполитов*

*Доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой философии
Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики
Т.В. Филатов*